

**ЗВЕЗДЫ
КЛАССИЧЕСКОГО
ДЕТЕКТИВА**

РЕКС СТАУТ

Второе признание
•
Три двери смерти

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
С 78

Rex Stout
THE SECOND CONFESSION
Copyright © 1949 by Rex Stout
THREE DOORS TO DEATH
Copyright © 1950 by Rex Stout

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency
All rights reserved

Перевод с английского
Анастасии Рудаковой, Никиты Вуля

Серийное оформление и оформление обложки
Валерия Гореликова

ISBN 978-5-389-20572-7

© А. А. Рудакова, перевод, 2014
© Н. А. Вуль, перевод, 2014
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

Второе признание

ГЛАВА 1

— Я вовсе не против, — грубовато, но вполне приветливо проговорил наш посетитель. — У вас тут хорошо. — Он огляделся кругом. — Нравятся мне эти типично мужские кабинеты. Отличное местечко.

Я никак не мог оправиться от удивления: он и впрямь выглядел как шахтер. По крайней мере, именно таким мне виделся настоящий горняк: могучее сложение, грубая, обветренная кожа, руки, в которые так и просится кайло. Уж конечно, председатель правления Корпорации континентальных шахт, которая располагала собственным зданием на Нассо-стрит, неподалеку от Уолл-стрит, зарабатывал на жизнь отнюдь не с помощью кайла.

Немало удивил меня и его тон. За день до того я услышал в телефонной трубке энергичный голос. Человек на том конце провода представился и спросил, когда Ниро Вулф сможет заглянуть к нему в контору. Я объяснил, почему мне придется сказать: «Никогда», и в конце концов на следующее утро в одиннадцать была назначена встреча у Вулфа. Затем я, как всегда, навел справки о будущем клиенте, позвонив Лону Коэну из «Газетт». Лон сообщил мне, что единственная причина, по которой Джеймс Ю. Сперлинг не станет откусывать вам уши, заключается в том, что обычно он сразу заглатывает голову целиком. И вот он сидит перед нами, развалившись в стоявшем у стола Вулфа красном кожаном кресле, — этакий добродушный здоровяк,

и когда Вулф, начиная разговор, объяснил, что никогда не покидает дом ради дела, и выразил сожаление, что Сперлингу пришлось самому явиться к нам, на Западную Тридцать пятую улицу близ Одиннадцатой авеню, гость произнес те самые слова, что я уже приводил в начале. «У вас тут хорошо», — сказал он!

— Сойдет, — пробормотал довольный Вулф. Он сидел за своим письменным столом, откинувшись на спинку сделанного по особому заказу кресла, которое было способно выдержать вес до четверти тонны и в один прекрасный день могло бы пройти испытания на практике, достигни габариты его владельца таких размеров. — Если вы расскажете о своих затруднениях, — добавил Вулф, — возможно, я сумею устроить так, чтобы ваш визит оказался ненапрасным.

Устроившись на своем рабочем месте под единственно верным по отношению к столу Вулфа углом, я позволил себе украдкой усмехнуться. Состояние его банковского счета не вызывало необходимости обхаживать клиента, но я-то знал, отчего он столь медоточив. Просто Сперлинг похвалил его кабинет. Вулфу не просто нравился кабинет, находившийся на первом этаже принадлежавшего ему старого особняка из песчаника. Нет, он не просто нравился Вулфу — Вулф его обожал, и правильно делал, ведь здесь протекала вся его жизнь, за исключением того времени, которое он проводил в кухне у Фрица, в столовой, расположенной дальше по коридору, где трапезничал, наверху в спальне или в оранжерее на крыше, где любовался орхидеями и прикидывался, будто помогает Теодору.

Мои ехидные размышления прервал внезапный вопрос Сперлинга:

— Вы Гудвин, верно? Арчи Гудвин? — Я подтвердил его догадку, и он повернулся к Вулфу. — Это дело конфиденциальное.

— Как и большинство дел, обсуждаемых в этих стенах, — кивнул Вулф. — В детективных агентствах такое не редкость. Мы с мистером Гудвином уже привыкли.

— Это дело семейное.

Вулф нахмурился, и я тоже. После подобного начала смело можно ставить двадцать к одному, что сейчас нас попросят шпионить за его женой, а мы этим не занимаемся. Однако Джеймс Сперлинг добавил:

— Я вас предупредил. Вы все равно узнаете. — Он сунул руку во внутренний карман пиджака и вытащил оттуда пухлый конверт. — Хотя бы из этих вот отчетов. Они предоставлены мне детективным агентством Бэскома. Слыхали о таком?

— Я знаю мистера Бэскома. — Вулф по-прежнему хмурился. — Не люблю работать на вытоптанной земле.

Сперлинг как ни в чем не бывало продолжил:

— Я уже имел с ними дело и знаю, что это люди опытные, поэтому пришел к Бэскому и на сей раз. Мне потребовалась информация о человеке по имени Рони, Луис Рони. Но они проработали целый месяц и ничего не выяснили, а время поджидает. Вчера я решил расстаться с ними и обратиться к вам. Я навел справки: если вы действительно заслуживаете своей репутации, надо было с самого начала идти к вам. — Он улыбнулся ангельской улыбкой, чем снова изумил меня. Стало ясно, что этот будет держать ухо востро. — Судя по всему, вам нет равных.

Вулф, стараясь не выдать, что он польщен, проворчал:

— Есть один человек в Марселе, но он далеко, к тому же не говорит по-английски. Какая информация о мистере Рони вам необходима?

— Мне нужны доказательства, что он коммунист. Если вы их добудете, и добудете быстро, сможете выставить мне какой угодно счет.

— Я не берусь за работу на таких условиях, — покачал головой Вулф. — Вы не уверены в том, что он коммунист, иначе не стали бы предлагать столь щедрую оплату. Если он все-таки не коммунист, я не сумею доказать обратное. Что до моих счетов, то я всегда выставляю такие, какие хочу. Однако беру деньги за сделанную работу и не смогу исполнить того, что исключается обстоятельствами. Выяснить можно далеко не все, есть неизбежные пределы, но ни моим усилиям, ни гонорарам предела нет.

— Вы слишком много говорите, — нетерпеливо, но не грубо заметил Сперлинг.

— Разве? — Вулф вскинул на него глаза. — Тогда говорите вы. — Он кивнул в мою сторону. — Блокнот, Арчи.

Шахтер дождался, когда я достану блокнот и открою его на новой странице, а затем решительно приступил к делу, для начала продиктовав по буквам имя:

— Л-у-и-с. Р-о-н-и. В манхэттенской телефонной книге есть и его адвокатская контора, и дом, и квартира... В общем, здесь все, что надо. — Он указал на пухлый конверт, брошенный им на стол Вулфа. — У меня две дочери. Маделин двадцать шесть лет, Гвен — двадцать два. Гвен умничка, год назад она с отличием окончила колледж Смит, я почти уверен, что с мозгами у нее все в порядке, но она чертовски любопытна и к тому же презирает общепринятые правила. Девчонка еще понятия не имеет, что право на независимость надо заработать. Конечно, романтика в ее возрасте вполне позволительна, но не до такой же степени! Думаю, этот тип, Рони, привлек ее именно своей репутацией защитника слабых и угнетенных, которую приобрел, спасая преступников от заслуженного наказания.

— Это имя как будто мне знакомо, — пробормотал Вулф. — А тебе, Арчи?

— Мне тоже, — кивнул я. — Пару месяцев назад он отстоял ту торговку детьми, как ее там звали. Парень так и рвется на первые полосы газет.

— Или в тюрьму! — отрезал Сперлинг, и в его голосе не осталось ничего ангельского. — Сдается мне, я не сумел с ней сладить, и жена моя, черт побери, тоже! Бог знает, сколько родителей наступают на те же самые грабли. Мы даже отказали ему от дома, но вы же понимаете, к чему это привело. Единственная уступка, на которую она пошла, и сомневаюсь, что эта уступка была сделана нам, — всегда являться домой засветло.

— Она беременна? — спросил Вулф.

Сперлинг остолбенел:

— Что вы сказали?

Голос его внезапно сделался тверже самой твердой руды, какую только можно сыскать в земных недрах. Он явно ждал, что его тон заставит Вулфа пойти на попятный, но этого не произошло.

— Я спросил, не беременна ли ваша дочь. Если этот вопрос несуществен, я снимаю его, но он отнюдь не нелеп. Ну разве только она заодно с общепринятыми правилами презирает и законы природы.

— Она моя дочь, — тем же категоричным тоном проговорил Сперлинг, затем напряжение неожиданно отпустило его, застывшие мускулы расслабились, и он расхохотался. Он просто стонал от смеха, даже не стараясь сдержаться, но ему быстро удалось взять себя в руки и продолжить разговор. — Вы слышали, что я сказал? — спросил он.

— Если могу доверять собственным ушам, то слышал, — ответил Вулф.

— Можете. — Сперлинг вновь просиял ангельской улыбкой. — Наверное, дочь — слабое место каждого мужчины, но я-то, знаете ли, не каждый. Насколько мне известно, она не беременна, а не то и сама бы сильно удивилась. Дело в другом. Чуть больше месяца

назад мы с женой решили исправить ошибку, и жена сказала Гвен, что Рони будут в любое время рады в нашем доме. В тот же день я обратился к Бэскому. Вы совершенно правы, я не могу доказать, что он коммунист, иначе не пришел бы к вам, но я в этом убежден.

— Что заставило вас так думать?

— Его манера выражаться, и впечатление, которое он на меня производит, и то, как он ведет дела... Да и кое-что в отчетах Бэского наводит на эту мысль. Сами увидите, когда прочтете...

— Но мистеру Бэскому не удалось добыть доказательства.

— Да, черт возьми!

— А кого вы называете коммунистами? Либералов? Свободомыслящих интеллектуалов? Членов Коммунистической партии? Где, по-вашему, пролегает граница?

— Это зависит от того, где я и с кем говорю, — усмехнулся Сперлинг. — В некоторых случаях этот термин приложим к любому, чьи взгляды левее центристских. Но с вами я использую его в прямом значении. По моему мнению, Рони — член Компартии.

— Когда вы получите доказательства, если вообще их получите, что будете с ними делать?

— Предъявлю дочери. Но это должны быть именно доказательства. Что я о нем думаю, она уже знает, я давно ей сказал. Разумеется, она передала это Рони, а он посмотрел мне прямо в глаза и заявил, что ничего подобного.

— Возможно, — хмыкнул Вулф, — вы напрасно тратите время и деньги. Положим, вы получите доказательства, но что, если партийный билет лишь подхлестнет чувства вашей дочери?

— Не подхлестнет. На второй год занятий в колледже она заинтересовалась коммунизмом и стала его изучать, но очень быстро бросила. Утверждает, что коммунизм интеллектуально несостоятелен и нравственно нечистоплотен. Говорю же, она умница. — Сперлинг

мельком посмотрел на меня и снова перевел взгляд на Вулфа. — Кстати, а как насчет вас с Гудвином? Я уже сказал, что наводил о вас справки, да вдруг промашка вышла?

— Нет, — заверил его Вулф, — хотя доказать это мы сможем лишь на деле. Мы согласны с вашей дочерью насчет коммунизма. — Он посмотрел на меня. — Ведь так?

— Целиком и полностью, — кивнул я. — Мне по душе, как она выражает свои мысли. Меня самого хватает лишь на фразы вроде «красные сволочи».

Сперлинг с подозрением покосился на меня и, очевидно решив, что имеет дело с человеком недалеким, снова повернулся к Вулфу, который продолжал расспросы.

— Как дело обстоит сейчас? — осведомился он. — Может, ваша дочь уже замужем за мистером Рони?

— Господи, нет!

— Вы уверены?

— Уверен. Глупость какая! Впрочем, вы ведь ее не знаете. Скрытность ей несвойственна... И вообще, если она решит выйти за него замуж, то обязательно скажет мне или матери прежде, чем ему самому. Вот как она поступит... — Сперлинг резко умолк и стиснул зубы, но через мгновение снова разжал их и добавил: — Этого-то я и боюсь — боюсь каждый день. Если она однажды решится — все пропало. Говорю же, время поджидает. Чертовски поджидает!

Вулф откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Сперлинг некоторое время смотрел на него, затем разжал и снова сомкнул челюсти и вопросительно глянул на меня. Я покачал головой. Когда по прошествии нескольких минут он начал сжимать и разжимать свои огромные узловатые кулачищи, мне пришлось его успокоить:

— Все в порядке. Он никогда не спит днем. Ему лучше думается, когда он меня не видит.

Наконец Вулф приподнял веки и заговорил:

— Если вы меня нанимаете, надо кое-что прояснить. Нельзя поручить мне добыть доказательства того, что мистер Рони — коммунист. Я лишь могу установить, существуют ли такие доказательства, и если существуют, то постараться их заполучить. Я охотно возьмусь за это дело, но к чему бессмысленные ограничения? Не можем ли мы уточнить задачу? Насколько я понимаю, вы желаете, чтобы ваша дочь оставила всякие мысли о браке с мистером Рони и перестала приглашать его в ваш дом. Такова ваша цель. Верно?

— Да.

— Так для чего же меня ограничивать? Разумеется, я могу поискать доказательства того, что он коммунист, но вдруг это не так? Или он действительно коммунист, но мы не сможем предъявить вашей дочери свидетельства, которые бы ее удовлетворили? Зачем связывать себе руки из-за одной-единственной надежды, которая, скорее всего, несбыточна, раз уж мистер Бэском, потратив на поиски целый месяц, так ничего и не обнаружил? Почему бы вам не нанять меня для того, чтобы я помог вам достичь цели — не важно, каким способом, конечно, в приемлемых для цивилизованного человека пределах? Тогда я со спокойной совестью возьму у вас аванс в виде чека на пять тысяч долларов.

Сперлинг задумался:

— Он точно коммунист, будь я проклят!

— Понимаю. Вы на этом заикнулись, ничего не поделаешь. Постараюсь начать именно с этого. Но неужели вы хотите исключить остальные варианты решения проблемы?

— Нет, нет. Не хочу.

— Хорошо. Итак, я... Да, Фриц?

Дверь, ведущая в коридор, открылась. Вошел Фриц.

— Мистер Хьюитт, сэръ. Говорит, у вас назначена встреча. Я усадил его в гостиной.

— Да. — Вулф бросил взгляд на настенные часы. — Скажи, что я приду через несколько минут. — Фриц вышел, а Вулф опять обратился к Сперлингу: — Итак, я правильно сформулировал вашу цель?

— Абсолютно.

— Тогда я ознакомлюсь с отчетами мистера Бэскома, а после свяжусь с вами. Всего хорошего, сэр. Я рад, что вам понравился мой кабинет...

— Но это срочно! Нельзя терять ни минуты!

— Знаю. — Вулф из последних сил старался быть вежливым. — Срочность — еще одна черта, свойственная делам, обсуждаемым в этих стенах. Сейчас у меня встреча, затем ланч, а с четырех до шести я возжусь со своими орхидеями. Но это не значит, что о вашем деле забудут. Мистер Гудвин немедленно примется за чтение отчетов, а после ланча поедет к вам в контору, чтобы получить недостающие подробности. Скажем, в два часа вас устроит?

Джеймсу Ю. Сперлингу это совсем не понравилось. Видимо, он намеревался посвятить спасению своей дочери от невыносимой участи весь день, не отвлекаясь даже на еду. Он был настолько возмущен, что лишь буркнул в ответ что-то нечленораздельное, когда я, провожая его к выходу, вежливо напомнил, чтобы он ждал меня в своей конторе ровно в два пятнадцать, заранее приготовив чек, чтобы избавить себя от необходимости посылать его по почте. Я немного задержался, окинув быстрым взглядом его длинный черный лимузин, припаркованный у тротуара, а затем вернулся в кабинет.

Из-за приоткрытой двери гостиной доносились голоса Вулфа и Хьюитта. Поскольку предмет их общего интереса находился наверху, в оранжерее, и кабинет был им не нужен, я взял пухлый конверт, оставленный Сперлингом на столе у Вулфа, и, устроившись поудобнее, приступил к ознакомлению с отчетами Бэскома.

ГЛАВА 2

Через пару часов, без пяти два, Вулф поставил на блюдце опустевшую кофейную чашку, отодвинул свое кресло, поднялся, вышел из столовой и направился к лифту. Я, следуя за ним по пятам, поинтересовался у его широченной спины:

— Не заглянуть ли нам прежде минуты на три в кабинет?

Он повернулся:

— Я думал, ты собираешься ехать к нашему бедному папаше.

— Да, но за ланчем вы о делах не говорите, а я прочитал отчеты Бэскома, и у меня есть вопросы.

Он быстрым взглядом оценил расстояние до кабинета, понял, что путь неблизкий, проворчал:

— Ладно, давай наверх, — и снова повернулся к лифту.

Но у меня, как и у него, тоже есть правила, и одно из них гласит: если Вулф заходит в свой персональный лифт, мне там делать уже нечего. Я помчался по лестнице. Этажом выше располагались спальня Вулфа и комната для гостей. Еще выше — моя спальня и вторая гостевая комната. Следующий лестничный марш привел меня на крышу. Сейчас она не была залита ослепительным светом, как зимой, поскольку на дворе стоял июнь и жалюзи были опущены, зато цветущие растения поражали многообразием ярких красок, особенно в среднем помещении оранжереи. Конечно, мне было не привыкать к этому зрелищу, к тому же в данный момент мои мысли были заняты делом, и все равно, проходя мимо бело-желтых *Dendrobium*, находившихся на пике цветения, я невольно замедлил шаг.

Я нашел Вулфа в комнате с горшечными растениями: он снимал пиджак и при моем появлении тут же нахмурился.

— Всего две вещи, — быстро проговорил я. — В-первых, Бэском не только...

Вулф не дослушал:

— Мистер Бэском обнаружил хоть какие-то связи Рони с Коммунистической партией?

— Нет. Но он...

— Тогда у него для нас ничего нет. — Вулф закатал рукава рубашки. — Обсудим его отчеты после того, как я их просмотрю. Он поручил дело опытным сотрудникам?

— Безусловно. Самым лучшим.

— Выходит, мне незачем нанимать целую армию, чтобы гоняться за призраками, даже на деньги мистера Сперлинга? Представляешь, что это значит: выслеживать коммуниста, если он вообще коммунист, особенно притом, что нам нужны не предположения, а доказательства? Еще не хватало! Я определил цель, и мистер Сперлинг со мной согласился. Поезжай-ка к нему за подробностями. Напросись в гости. Там познакомишься с мистером Рони, понаблюдаешь за ним, а главное, за девицей и постарайся составить о них как можно более полное мнение. Потом назначишь ей встречу, обратишь на себя ее внимание, и, глядишь, через пару недель она о мистере Рони думать забудет — вот цель и достигнута.

— Будь я проклят! — Я укоризненно покачал головой. — Вы предлагаете мне приударить за ней!

— Называй это как хочешь. Я предпочитаю выражаться по-своему. Мистер Сперлинг сказал, что его дочь чрезвычайно любопытна. Вот и переключи ее интерес с мистера Рони на себя.

— Вы предлагаете разбить ей сердце!

— До этого можно не доводить.

— Ага, уж лучше вообще не начинать. — Я притворился, будто пылаю праведным гневом. — Вы заходите слишком далеко! Я люблю свою профессию, и мне

нравится, что я мужчина, со всеми вытекающими отсюда последствиями, но я отказываюсь выступать в роли соблазнителя...

— Арчи! — перебил меня Вулф.

— Да, сэр.

— Если взять всех молодых женщин, с которыми ты познакомился, работая на меня, со сколькими из них у тебя позже установились личные отношения?

— Таких наберется пять или шесть тысяч. Но это не...

— Я просто предлагаю тебе поменять очередность и с самого начала установить с ней личные отношения. Что в этом плохого?

— Да все! — Я пожал плечами. — Ладно. Может, и ничего. Смотря по обстоятельствам. Надо на нее взглянуть.

— Хорошо. Езжай, не то опоздаешь. — И он направился к полкам с химикатами.

Я слегка повысил голос:

— Вообще-то, у меня к вам еще вопрос, вернее, два. Ребятам Бэскома, выслеживавшим Рони, пришлось буквально слоняться без дела. Еще до того, как у него могли зародиться первые подозрения, он точно учуял недоброе и затаился. Уж как они только не изощрялись, но часто и этого было недостаточно. Он знал все их ухищрения, и даже больше того. Коммунист он или нет, но этому его явно не в воскресной школе научили.

— Пф! Он ведь адвокат, верно? — презрительно проговорил Вулф, взял с полки банку с элгетролом и принялся ее встряхивать. — Хватит. Иди же.

— Минутку. Есть кое-что еще. Он трижды в разное время — это случалось в те дни, когда им все-таки удавалось его выследить, — заходил в зоомагазин Бишоффа на Третьей авеню и каждый раз оставался там больше часа. При этом никаких домашних животных у него нет.

Вулф перестал трясти банку с элгетролом, рассеянно посмотрел на нее, словно не понимая, что у него в руках, и поставил обратно на полку, а затем устался на меня.

— А! — произнес он, оставив прежний резкий тон. — Вот как?

— Да, сэр.

Вулф оглянулся, увидел стоявшее на своем обычном месте просторное кресло, подошел и опустился в него.

Он был поражен, но меня это вовсе не обрадовало. Честно говоря, я предпочел бы упустить эту возможность, однако не посмел. Я слишком хорошо помнил тот голос — твердый, неторопливый, четкий голос, холодный, точно труп недельной давности, — который слышал всего три раза, по телефону. Первый раз в январе 1946 года, второй и третий — двумя годами позже, когда мы искали убийцу, отравившего Сирила Орчарда. Кроме того, я отлично запомнил тон Вулфа, сказавшего после второго звонка: «Мне бы следовало подать тебе знак, чтобы ты повесил трубку, как только я узнал его голос. Я не рассказываю ничего, потому что лучше тебе ничего не знать. Ты должен забыть о том, что знаешь его имя. Если когда-нибудь в ходе моих расследований я обнаружу, что столкнулся с ним и должен его уничтожить, то покину этот дом, подыщу место, где мог бы работать, а также спать и есть, если на это хватит времени, и останусь там, пока не закончу».

За годы работы у Вулфа я не раз видел, как он сражается с закоренелыми негодьями, но ни один из них не заставлял его говорить подобные вещи.

Теперь же он сидел, уставившись на меня так, будто я облил уксусом его бутерброд с икрой.

— Что тебе известно о зоомагазине Бишоффа? — спросил он.

— Да в общем, ничего. Знаю только, что в прошлом ноябре Бишофф приходил к вам и предлагал работу,

но вы ответили, что очень заняты, и отказались. А когда он ушел и я начал вам пенять, вы сказали, что работать на Арнольда Зека вам так же неохота, как и ссориться с ним. Вы не объяснили, откуда вам известно, что этот самый зоомагазин — часть разветвленной организации Зека, а я не стал спрашивать.

— Я уже сказал: забудь его имя.

— Тогда не надо было мне напоминать. Ладно, я опять забуду. Итак, сейчас я спущусь вниз, позвоню Сперлингу и сообщу ему, что вы слишком заняты и поэтому отказываетесь от дела. Он не...

— Не надо. Поезжай к нему. Ты опаздываешь.

— Какого черта?! — поразился я. — У меня что, с мозгами не в порядке? Если Рони целых три раза за месяц побывал в этом зоомагазине, а может, и того больше, хотя не имеет домашних животных, каждый раз сидел там по часу, я делаю вывод, что он, скорее всего, работает на человека, имя которого я позабыл, и...

— Все правильно. Но дело не в том. Не важно откуда, но я знал о сомнительных связях мистера Бишофа еще до того, как он ко мне пришел, поэтому сразу ему отказал. Однако с мистером Сперлингом я уже договорился и не могу пойти на попятный. — Вулф бросил взгляд на часы. — Тебе пора. — Он вздохнул. — Если бы за самоуважение не надо было платить такую цену...

Он снова взял с полки банку с элгетролом и начал ее трясти. Мне оставалось только уйти.

ГЛАВА 3

Вышеописанные события происходили в четверг, в два часа. Ровно через двое суток, в субботу, я уже стоял на нагретой солнцем мраморной плите размером с мою спальню и, размахивая ярко-голубым полотенцем размером с мою ванную, сгонял назойливую муху

с обнаженной ноги Гвен Сперлинг. Неплохо для начинающего соблазнителя, учитывая, что я гостил здесь не под своим именем. Теперь меня звали не Арчи, а Алекс. Я рассказал Сперлингу о предложении Вулфа представить меня его семье, конечно не раскрывая всех карт, а когда он стал возражать против моего знакомства с Рони, объяснил, что для слежки и тому подобных вещей мы можем нанять помощников, я же постараюсь втереться Рони в доверие. Он уступил и пригласил меня провести выходные в своем загородном доме в Стоуни-Акрес, близ Чаппакуа, при условии, что я назовусь другим именем, так как был убежден, что его жене, сыну и старшей дочери Маделин отлично известно, кто такой Арчи Гудвин. Я скромно заметил, что сомневаюсь в этом, и настоял на том, чтобы остаться Гудвином, а не то, представляясь, мне пришлось бы каждый раз напрягать память. Мы сошлись на том, чтобы переделать Арчи в Алекса. Тогда мое новое имя подходило под инициалы «А. Г.», вытисненные на портфеле, который Вулф подарил мне на день рождения. Естественно, я намеревался захватить его с собой, потому что он был изготовлен из кожи карибу и окружающие непременно должны были увидеть эту красоту.

Промелькнувшие в отчетах Бэскома сведения о визитах Луиса Рони в зоомагазин Бишоффа дорого обошлись Сперлингу. Если бы не они, Вулф, безусловно, оставил бы Рони в покое до моего возвращения с уик-энда: столь тривиальное задание не представляло для него никакого интереса, если не считать гонорара, к тому же он отчего-то полагал, будто женщины так и падали к моим ногам, стоило мне только щелкнуть пальцами, хотя в действительности все было куда сложнее. Однако, когда в четверг вечером я вернулся от Сперлинга, Вулф уже висел на телефоне, вызывая Сола Пензера, Фреда Даркина и Орри Кэтера. А когда в пятницу поутру они явились к нему на со-

вещание, Солу было велено ознакомиться с отчетами Бэскома и изучить прошлое Рони, а Фреду и Орри даны особые инструкции, как установить за ним хитрую слежку. Очевидно, таким образом Вулф платил за самоуважение или позволил Сперлингу платить вместо себя. Однажды, во время третьего, и последнего телефонного разговора с Арнольдом Зеком, он заявил, что при расследовании руководствуется лишь интересами дела и не признает ограничений извне, и вот теперь настала пора доказать это на практике. Если визиты Рони в зоомагазин действительно означали, что он куплен Зеком, и если Зек по-прежнему запрещал вторгаться на свою территорию, то Ниро Вулф обязан был продемонстрировать, что никто не вправе преграждать ему дорогу. У нас была своя гордость. Вот почему к делу оказались привлечены Сол, Фред и Орри.

А на следующее утро, в субботу, я уже мчался по извилистым автострадам Уэстчестера на север, поглядывая на придорожные деревья, одетые пышной листвой, стараясь сохранять спокойствие, когда какой-нибудь незадачливый тихоход упорно плелся по левой полосе, и время от времени совершая стремительный обгон, чтобы не терять формы. Потом я, согласно указаниям, съехал с автострады на второстепенную дорогу и пару миль следовал по ней; далее, проехав между двумя увитыми плющом каменными столбами, свернул на гравийную аллею, немного попетлял по парку, украшенному разнообразными достижениями садоводческого искусства, и наконец очутился на открытом пространстве, перед большим каменным особняком, который, судя по всему, и был тем самым местом, куда я держал путь. Я остановил машину и сообщил печальному малому средних лет в униформе, что я фотограф и меня ждут.

Мы со Сперлингом условились, что я выдам себя за сына его делового партнера, который якобы увлечен

фотографией и собирается запечатлеть Стоуни-Акрес для нужд корпорации. Эта легенда понадобилась нам по двум причинам: во-первых, мне в любом случае надо было как-то представиться, а во-вторых, я хотел получить удачные снимки Луиса Рони.

Четыре часа спустя, перезнакомившись со всеми домочадцами, перекусив и обойдя все поместье, вдоволь нащелкав двумя фотокамерами с самым профессиональным видом, какой мне только удалось на себя напустить, я стоял на краю бассейна и сгонял муху с ноги Гвен. Мы оба только что вылезли из воды, и с нас ручьями текла вода.

— Эй! — воскликнула она. — Не надо хлестать меня полотенцем, пусть лучше муха кусает, если она тут вообще пролетала!

Я заверил ее, что муха была.

— Ладно, в следующий раз сначала предупредите; может, я сама ее прогоню. Не хотите ли снова нырнуть с вышки? Где ваша «лейка»?

Она приятно удивила меня. После рассказов ее папаши я ожидал встретить здесь невзрачную интеллектуалку, однако наружность ее оказалась достаточно интересной, чтобы отвлечь внимание от внутреннего содержания. Сногшибательной красоткой она не была (с такими-то веснушками!), да и лицо ее — в сущности, вполне милое, — на мой вкус, было, пожалуй, чуть более круглым, чем хотелось бы; но и записывать ее в дурнушки я не торопился: те части тела, что представили взору, когда она появилась в купальном костюме, заслуживали безоговорочного одобрения. Мне нипочем не заметить бы муху, не пялься я на ножку, которую та облюбовала.

Я опять нырнул, на этот раз неудачно. Когда я вылезал, откидывая назад мокрые волосы, рядом возникла Маделин:

— Что вы творите, Алекс! Шею хотите себе сломать? Оборот несчастный!

— Пытаюсь произвести впечатление, — ответил я. — У вас есть трапеция? Я умею висеть, уцепившись носками за перекладину.

— Не сомневаюсь. Весь ваш репертуар известен мне куда лучше, чем вы думаете. Подите-ка сюда, садитесь, я приготовлю вам коктейль.

Маделин вполне могла отвлечь мое внимание, вознамерясь я в угоду Вулфу приударить за Гвен. Она была эффектнее Гвен: стройная, но не тощая, с гладким смуглым лицом и большими темными глазами, которые она любила томно прикрыть, чтобы затем неожиданно распахнуть и совершенно пленить вас. Я уже знал, что ее муж, пилот бомбардировщика В-17, погиб в сорок третьем в небе над Берлином, что она полагает, будто все на свете уже повидала, но ее можно убедить взглянуть еще разок, что ей нравится имя Алекс и что она надеется услышать от меня несколько забавных историй, которые она еще не слышала. Да, Маделин вполне могла отвлечь мое внимание от Гвен.

Я подошел и сел рядом с ней на скамью, залитую солнцем, но обещанного коктейля не получил, потому что тележку с закусками и напитками окружили трое мужчин, и один из них что-то готовил для остальных. Это был Джеймс Сперлинг-младший. На год или два старше Маделин, он почти ничем не напоминал своего отца. Взглянув на его изящную фигуру, гладкую загорелую кожу или широкий капризный рот, никто бы не сказал, что он похож на шахтера. Прежде мы с ним не встречались, но кое-что я о нем слышал. Не поручусь за точность выражений, но, кажется, это был упорный мальчик, который прилежно взялся за учебу, чтобы найти свое место в отцовской корпорации, и начал разъезжать по шахтам, мотаясь то в Бразилию, то в Неваду, то в Аризону, но быстро утомился и вернулся в Нью-Йорк восстановить силы — здесь хватало тех, кто был готов составить ему компанию.

Содержание

ВТОРОЕ ПРИЗНАНИЕ

Перевод А. Рудаковой 5

ТРИ ДВЕРИ СМЕРТИ

Перевод Н. Вуля

Оживший покойник 257

Цветов не посылать 344

Дверь смерти 425

Стаут Р.

С 78 Второе признание ; Три двери смерти : роман, повести / Рекс Стаут ; пер. с англ. А. Рудаковой, Н. Вуля. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 512 с. — (Звезды классического детектива).

ISBN 978-5-389-20572-7

Ниро Вулф, страстный коллекционер орхидей, большой гурман, любитель пива и великий сыщик, практически никогда не выходит из дому. Все преступления он распутывает на основе тех фактов, которые собирает Арчи Гудвин, его обаятельный, ироничный помощник с отличной памятью.

Вулф, взявшийся за одно расследование, вдруг получает предупреждение по телефону, а его оранжерею с орхидеями расстреливают из автоматов. К тому же погибает молодой человек, о деятельности которого Вулф должен собрать информацию, и его смерть оказывается связанной с Арнольдом Зекком, королем преступного мира...

Кроме романа «Второе признание», в сборник вошли три повести, в которых Вулф расследует запутанные дела и находит истинного убийцу, в очередной раз доказав, что полицейские, с их поспешными выводами, шли по ложному следу.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

РЕКС СТАУТ
ВТОРОЕ ПРИЗНАНИЕ
♦
ТРИ ДВЕРИ СМЕРТИ

Ответственный редактор Ольга Рейнгеверц
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Владимира Сергеева
Корректоры Валентина Гончар, Светлана Федорова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 12.01.2022. Формат издания 75 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 22,56.
Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546,
Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-MCD-29461-01-R